

От автора

Хотя современному читателю отдельные детали религиозных разногласий, о которых говорится в этом романе, и могут показаться несущественными, однако в Англии в 40-х годах шестнадцатого столетия это было буквально вопросом жизни и смерти. В 1532–1533 годах Генрих VIII отверг верховенство папы римского над английской Церковью, но позже, вплоть до конца своего правления, он постоянно колебался между сохранением старых католических обычаев и переходом к новым, протестантским. Тех, кто предпочитал традиционные устои — или даже мечтал вернуться в лоно Рима, — именовали по-разному: консерваторами, традиционалистами и даже папистами. Те же, кто желал перехода к лютеранским, а позже к кальвинистским порядкам, стали называться радикалами или протестантами. Термины «консерваторы» и «радикалы» имели тогда совершенно иной смысл; в привычном нам значении, связанном с социальными реформами, они стали употребляться значительно позже.

В 1532–1538 годах многие люди переходили из одного лагеря в другой: кто по искреннему убеждению, а кто и просто чтобы спасти свою шкуру — приспособленцев всегда хватало. Некоторые, хотя и не все, религиозные радикалы считали, что государство должно бороться с бедностью, однако и радикалы, и консерваторы в равной мере ужасались идеям анабаптистов. Представители этого немногочисленного религиозного движения всегда были настоящим пугалом для политической элиты, поскольку верили, что истинное христианство зиждется на принципах общности имущества и социального равенства.

В 1546 году одним из ключевых моментов стала приерженность традиционной католической доктрине о пресу-

шествлении: предполагается, что когда священник во время мессы освящает хлеб и вино, они преобразуются в истинные тело и кровь Христовы, и это дает христианину возможность соединиться с Богом. Это было традиционное верование, от которого Генрих VIII никогда не отклонялся. Мало того, в 1539 году он издал Акт о шести статьях, согласно которому отрицание пресуществления объявлялось изменой и наказывалось сожжением у позорного столба. Это был второй важнейший документ после Акта о супрематии — принятого в 1534 году закона, провозгласившего короля (а вовсе не папу римского) единственным верховным земным главой Церкви Англии.

Политическая жизнь Англии летом 1546 года была полна драматических событий. Так, протестантская проповедница Энн Аскью была действительно сожжена на костре по обвинению в ереси. Перед этим ее жестоко пытали в Тауэре, и она оставила документальный отчет о своих страданиях, ухитрившись передать на волю рукопись книги «Испытания». Празднования по случаю прибытия в Лондон французского адмирала д'Аннебо и впрямь имели место, причем сохранились описания этого визита. История про Бертано также не выдумана. Кроме того, существовал заговор традиционалистов с целью сместить королеву Екатерину Парр. Она действительно написала книгу под названием «Стенание грешницы», которая была опубликована только после смерти Генриха VIII. Впрочем, история о краже рукописи является авторским вымыслом.

Дворец Уайтхолл, отобранный Генрихом у опального кардинала Томаса Уолси и значительно расширенный им, занимал примерно то место, где сейчас располагаются Скотленд-Ярд и Даунинг-стрит. Это было воистину грандиозное сооружение, одно из крупнейших в Европе. К сожалению, после двух случайных опустошительных пожаров в 1691 и 1698 годах дворец сгорел до основания. До наших дней из всего комплекса сохранилась лишь одна-единственная постройка — Пиршественный зал, однако во времена Тюдоров ее еще не было.

Действующие лица и их место
в спектре политической
и религиозной жизни Англии

В романе присутствует великое множество персонажей, прототипы которых действительно жили в то время, однако, разумеется, описывая личности этих людей, автор дал волю своему творческому воображению. Итак:

КОРОЛЕВСКОЕ СЕМЕЙСТВО

Король Генрих VIII

Королева Екатерина Парр

Принц Эдуард (8 лет, наследник трона)

Леди Мария

(30 лет, горячая сторонница традиционализма)

Леди Елизавета (12–13 лет)

СЕМЕЙСТВО ЕКАТЕРИНЫ ПАРР
(ВСЕ РЕФОРМАТОРЫ)

Лорд Уильям Парр, ее дядя

Сэр Уильям Парр, ее брат

Леди Анна Герберт, ее сестра

Сэр Уильям Герберт, ее зять, муж Анны

ЧЛЕНЫ КОРОЛЕВСКОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

Джон Дадли, герцог Нортумберленд (реформатор)

Эдуард Сеймур, граф Хартфорд (реформатор)

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский
(реформатор)

Томас Ризли, лорд-канцлер
(не имеет твердой религиозной приверженности)

Сэр Ричард Рич
(не имеет твердой религиозной приверженности)

Сэр Уильям Пейджет, личный секретарь короля
(не имеет твердой религиозной приверженности)

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский
(традиционалист)

Томас Говард, герцог Норфолк (традиционалист)

ПРОЧИЕ

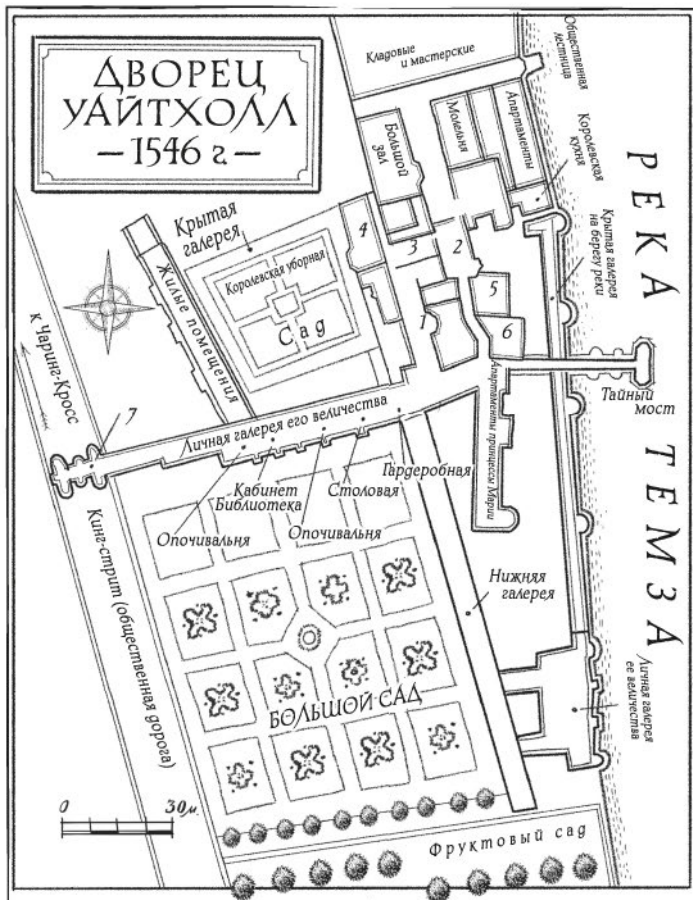
Уильям Уилл Соммерс, шут короля
Джейн, шутиха королевы Екатерины и леди Марии

Мэри Оделл, фрейлина королевы Екатерины
Уильям Сесил, впоследствии главный министр
и советник королевы Елизаветы I

Сэр Эдмунд Уолсингем

Джон Бойл

Энн Аскью (в замужестве Кайм)

1. Личные покои короля
2. Приемная королевы
3. Приемная короля
4. Помещение королевской стражи (большая комната наверху)

5. Личные покои королевы
6. Опочивальня королевы
7. Гольбейновы ворота (также известные как Большие ворота), над которыми располагался тайный кабинет его величества

ГЛАВА 1

Откровенно говоря, мне очень не хотелось присутствовать на казни. Я не любитель даже таких зрелищ, как травля медведя, а тут — за отрицание учения о превращении хлеба и вина в тело и кровь Христовы — собирались заживо сжечь у позорного столба четырех человек, в том числе и молодую женщину. Вот до чего докатились мы в Англии в 1546 году во время охоты за еретиками!

Меня вызвали прямо из конторы в Линкольнс-Инн¹ к нашему казначею, мастеру Роуленду. Несмотря на мой статус сержанта юриспруденции², самый высокий для барристеров³, мастер Роулэнд не слишком меня жаловал. Думаю, его самолюбие так и осталось уязвленным с тех самых пор, как три года назад я — совершенно заслуженно — продемонстрировал ему свое неуважение. Сейчас, здороваясь со снующими туда-сюда юристами в черной одежде, я перешел мощенную красным кирпичом площадь, залитую ярким солнечным светом, и посмотрел на окна Стивена Билкнэпа. Это был мой старый враг, как

---

¹ *Линкольнс-Инн* — одна из четырех юридических корпораций Лондона, существующих и по сей день (наряду с *Грейс-Инн*, *Миддл-Темпл* и *Иннер-Темпл*).

² Сержанты юриспруденции представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

³ *Барристеры* — в Великобритании одна из двух категорий адвокатов, которые ведут дела; являются адвокатами более высокого ранга, чем солиситоры.

в суде, так и вне его стен. Окна были плотно закрыты ставнями. Билкнэп болел с начала года, и уже много недель его никто не видел. Говорили, что он якобы при смерти.

Подойдя к кабинету казначея, я постучал в дверь, и резкий голос пригласил меня войти. Роулэнд сидел за столом в своей просторной резиденции — все полки вдоль стен помещения были сплошь уставлены тяжеленными юридическими фолиантами, демонстрируя статус его хозяина. Роулэнд был уже старым, разменявшим седьмой десяток человеком, тощим как щепка, но твердым как дуб, с узким лицом, морщинистым и вечно нахмуренным. Он щеголял седой бородой, длинной и раздвоенной по нынешней моде, тщательно расчесанной и доходящей до середины его шелкового камзола. Казначей очинивал гусиное перо и, когда я вошел, поднял на посетителя глаза. Пальцы у него, как и у меня, были в пятнах чернил от многолетней бумажной работы.

— Дай вам Бог доброго утра, сержант Шардлейк, — проговорил он своим пронзительным голосом и отложил ножик.

Я поклонился:

— И вам тоже, мастер казначей.

Роулэнд махнул рукой в сторону табурета и сурово посмотрел на меня:

— Ну что, как поживаете? Много ли разбирательств внесено в список Михайловской судебной сессии, которая состоится в сентябре?

— Довольно много, сэр.

— Я слышал, что вы больше не получаете никаких дел от Роберта Уорнера, адвоката королевы, — как бы невзначай заметил казначей. — Вот уже целый год.

— У меня куча других дел, сэр. Все время занимает работа с гражданскими исками.

Мой собеседник наклонил голову:

— Я также слышал, что некоторых придворных королевы Екатерины допрашивали в Тайном совете. За еретические воззрения.

— Да, ходят такие слухи. Но в последние месяцы кого только не допрашивали!

— В последнее время я частенько видел вас на мес-се в церкви нашего инна. — Роулэнд сардонически улыбнулся. — Проявляете должное благочестие? Что ж, сие разумно в наше бурное время. Посещать богослужения, избегать нежелательных дискуссий, следовать желаниям короля...

— Совершенно верно, сэ.

Казначей взял очиненное перо, поплевал на него, чтобы размягчить, и вытер о тряпочку, а потом снова пронзительно взглянул на меня:

— Вы слышали, что миссис Энн Аскью приговорена к сожжению вместе с тремя прочими еретиками? Казнь состоится в пятницу, шестнадцатого июля.

— В Лондоне только об этом и говорят. Некоторые утверждают, что после вынесения приговора ее якобы пытали в Тауэре. Вот уж странно...

Роулэнд пожал плечами:

— Уличные сплетни. В любом случае эта женщина получит по заслугам! Это же надо: бросить мужа и явиться в Лондон, чтобы читать проповеди, явно противоречащие «Акту о шести статьях»... Отказаться переменить веру, публично спорить с уважаемыми судьями... — Он покачал головой, а потом подался вперед. — Сожжение станет грандиозным зрелищем. Ничего подобного не случилось вот уже много лет. Его величество хочет показать, к чему приводит ересь. На казни будет присутствовать половина Тайного совета.

— Но не сам король? — уточнил я.

— Нет.

Я вспомнил, что весной Генрих серьезно заболел и с тех пор редко появлялся на публике.

— Его величество желает, чтобы там были представители от всех лондонских гильдий, — заметил Роулэнд, после чего сделал паузу и добавил: — И от всех судебных корпораций. Решено послать от Линкольнс-Инн вас.

Я в изумлении уставился на него:

— Меня, сэръ? Но почему?

— У вас меньше социальных и церемониальных обязанностей, чем полагается человеку вашего ранга, сержант Шардлейк. Похоже, на это дело нет охотников, поэтому решать приходится мне. Думаю, пришла ваша очередь.

Я вздохнул:

— Знаете, я всегда был слабоват для таких поручений. Если хотите, я готов выполнить какое-нибудь более сложное дело, но иного характера. — Я глубоко вдохнул. — Прошу вас, не посылайте меня туда. Это будет ужасно. Я никогда не видел казни через сожжение, и у меня нет ни малейшего желания на это смотреть.

Роулэнд пренебрежительно махнул рукой:

— Вы слишком привередливы. Это странно для фермерского сына... Вы же видели экзекуции, я знаю. Когда вы работали у лорда Кромвеля, он заставил вас присутствовать при отсечении головы Анны Болейн. Так ведь?

— Да. И это было ужасно. А теперь будет еще хуже.

Казначей похлопал по бумагам на столе:

— Мне прислали официальный запрос с требованием отправить на казнь представителя от нашего инна. Подписано, между прочим, самим Уильямом Пейджетом, личным секретарем короля. Я должен сообщить ему имя сегодня же вечером. Мне очень жаль, сержант Шардлейк, но я решил, что пойдете вы. — Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Я тоже встал и снова поклонился.

— Благодарю вас за желание глубже погрузиться в деятельность инна, — сказал Роулэнд снова спокойным голосом. — Я посмотрю, какие еще... э-э-э... — он замялся, подыскивая подходящее слово, и наконец неуверенно произнес: — ...мероприятия планируются на ближайшее время.

В день казни я проснулся рано. Сожжение было назначено на середину дня, но я находился в столь удрученном состоянии, что решил не ходить с утра в Лин-

кольнс-Инн. Мой эконом Мартин Броккет, пунктуальный как всегда, ровно в семь принес мне в спальню льняные полотенца и кувшин с горячей водой и, пожелав доброго утра, выложил рубашку, камзол и летнюю мантию. Как обычно, его манеры были безупречны: управляющий держался серьезно, спокойно и почтительно. С тех пор как он со своей женой Агнессой начал работать у меня зимой, мое домашнее хозяйство стало функционировать словно часовой механизм. Через приоткрытую дверь я слышал, как Агнесса беседует с моими слугами: напоминает мальчику Тимоти, что нужно принести свежей воды, и просит девушку Джозефину побыстрее позавтракать, чтобы успеть накрыть стол для меня. Она говорила с обоими очень дружелюбным тоном.

— С добрым утром, сэ, — рискнул поприветствовать меня Броккет. Это был человек лет сорока пяти, с уже начавшими редеть волосами и невыразительным, незапоминающимся лицом. — Похоже, день нынче будет прекрасный.

Я не говорил никому из домашних, что иду на казнь.

— Спасибо, Мартин, — поблагодарил я эконома. — Погода сегодня и впрямь хоть куда. Пожалуй, утром я поработаю у себя в кабинете, а после полудня мне нужно будет уйти.

— Хорошо, сэ. Ваш завтрак вот-вот будет готов. — Броккет поклонился и вышел.

Я встал, поморщившись от спазма в спине. К счастью, теперь это случалось реже — после того как я стал прилежно делать упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай Малтон.

Мне бы хотелось чувствовать себя с экономом свободнее. Мне нравилась его жена, но в холодной, скованной чопорности самого Мартина сквозило что-то такое, отчего общаться с ним всегда было нелегко. Умыв лицо и облачившись в чистую, благоухающую розмарином льняную рубашку, я подумал, что надо бы установить с Броккетом менее формальные отношения, и здесь я, как хозяин дома, должен проявить инициативу.

Затем я посмотрелся в стальное зеркало. И понял, что морщин прибавилось. Весной мне исполнилось сорок четыре. Морщины на лице, седина в волосах, сгорбленная спина... В соответствии с последней модой мой помощник Джек Барак недавно отрастил себе опрятную русую бородку — пару месяцев назад я попытался отпустить такую же, но потом сбрил ее: в бороде тоже проби- валась седина, и я считал, что это мне не к лицу.

Через окно с тонким переплетом я посмотрел на сад, где разрешил Агнессе установить несколько ульев и посадить цветы. Последние улучшили вид и, кроме приятного запаха, приносили еще и практическую пользу. Вокруг них жужжали пчелы, пели птички, и все было ярким и полным цвета. Подумать только, в такой прекрасный летний день молодую женщину и троих мужчин, которых объявили еретиками, ожидает ужасная смерть!

Мои глаза обратились к письму на столике у кровати. Оно пришло из Антверпена, из Испанских Нидерландов, где жил мой девятнадцатилетний подопечный Хью Кертис, который работал там у английских купцов. Теперь Хью был счастлив. Первоначально он собирался учиться в Германии, но вместо этого остался в Антверпене и обнаружил неожиданный интерес к торговле тканями, особенно увлекшись поисками и оценкой редких сортов шелка и новых материй — например, хлопка, поступающего из Нового Света. Письма Хью было приятно читать: он явно получал удовольствие от своей работы, а также от интеллектуальной и социальной свободы большого города, от посещения рынков, участия в дискуссиях и чтениях в палатах риторики — так назывались местные общества любителей литературы и театра. Хотя формально Антверпен являлся частью Священной Римской империи, католический император Карл V Габсбург не вмешивался в дела живших там протестантов — он не смел ставить под удар банкиров Фландрии, которые финансировали его войны.

Хью никогда не упоминал о мрачной тайне, которую мы хранили после нашей встречи в прошлом году¹, и все его послания были насквозь пропитаны оптимизмом. Впрочем, в этом письме содержались новости о прибытии в Антверпен множества английских беженцев: *«Все они, увы, находятся в плачевном состоянии и обращаются за помощью к местным купцам. Это реформаторы и радикалы, боящиеся попасть в сеть преследований, которую, по их словам, епископ Гардинер накинул на всю Англию».*

Тяжело вздохнув, я оделся и спустился к завтраку: дальше оттягивать было уже просто нельзя, какие бы страшные перспективы и ни сулил нынешний день.

Охота на еретиков началась весной. Что касается религии, то здесь нашему королю всегда была присуща переменчивая политика, и зимой чаша весов словно бы склонилась в пользу реформаторов: Генрих убедил парламент дать ему право уничтожить часовни, где священники получали деньги по завещанию жертвователей, желавших, чтобы те отслужили мессу за упокой их души. Правда, как и многие другие, я подозревал, что монарх в данном случае руководствовался вовсе не религиозными, а финансовыми мотивами: война с Францией обходилась очень дорого, а англичане по-прежнему оставались осажденными в Булони. Генрих VIII продолжал добавлять в монеты все больше меди, и в результате цены взлетели до небес. Самые новые шиллинги были покрыты лишь тонким слоем серебра, который быстро изнашивался. Король получил в народе прозвище Старый Медный Нос. Деньги невероятно обесценились: хотя в шиллинге традиционно было двенадцать пенсов, за новые монеты торговцы не давали и шести.

А потом, в марте, вернулся с переговоров с императором Священной Римской империи епископ Стивен Гардинер — самый консервативный из королевских

---

¹ История Хью Кертиса рассказана в романе К. Дж. Сэнсома «Каменное сердце»; Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021.

советников, когда дело касалось религии. В апреле пошли слухи, что людей высокого и низкого звания хватают и допрашивают за отрицание пресуществления и за обладание запрещенными книгами. Допросы коснулись даже придворных короля и королевы, а на улицах поговаривали, что якобы Энн Аскью, самая известная из протестантов, приговоренных за ересь, была связана с двором ее величества, где проповедовала свои взгляды среди фрейлин. Я не встречался с королевой Екатериной, с тех пор как год назад расследовал по ее поручению одно довольно опасное дело, и знал, к огромному своему сожалению, что вряд ли снова увижу ее впредь. Но я часто думал об этой милой и благородной женщине и очень боялся за нее, поскольку обстановка все накалялась: только на прошлой неделе был издан указ с подробным списком книг, которые категорически запрещалось иметь, и вскоре придворный Джордж Блэгт, до этого пользовавшийся покровительством короля, был объявлен еретиком и приговорен к сожжению на костре.

Я давно уже не симпатизировал в этой религиозной сваре ни той, ни другой стороне и иногда сомневался в самом существовании Бога, но исторически сложилось так, что я оказался связан с реформаторами, и потому, как и большинство людей в этом году, старался лишний раз не высовываться и держать рот на замке.

Из дома я вышел в одиннадцать. Тимоти вывел моего доброго коня по кличке Бытие к входной двери и установил специальную лесенку, чтобы я мог сесть верхом. Мальчику уже было тринадцать лет, он сильно вытянулся и превратился в худого и нескладного подростка. Весной я отдал своего предыдущего слугу, Саймона, в ученики к торговцу и планировал сделать то же самое и для Тимоти, когда ему исполнится четырнадцать: надо же мальчику как-то устраивать свою жизнь.

— Доброе утро, сэра. — Юный слуга улыбнулся мне своей застенчивой улыбкой, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов, и убрал со лба спутанные волосы.

— Доброе утро, молодой человек, — поприветствовал я его. — Как твои дела?

— Хорошо, сэр.

— Наверное, скучаешь по Саймону?

— Да, сэр. — Парнишка потупился, передвигая ногой камешек на земле. — Но ничего, я справляюсь.

— Ты хорошо справляешься, — поощрил я его. — Но, возможно, пора поговорить и о твоём обучении ремеслу. Ты задумывался, чем хотел бы заниматься в будущем?

Слуга уставился на меня, и внезапно в его карих глазах вспыхнула тревога.

— Нет, сэр... Я... я предпочел бы остаться здесь. — Он отвел глаза и теперь смотрел на мостовую.

Тимоти всегда был тихоней, в нем не было уверенности Саймона, и я понял, что перспектива выхода в большой мир пугает его.

— Что ж, — успокоил я своего подопечного, — торопиться некуда. — (Мальчик как будто воспринял это с облегчением.) — А теперь мне пора. — Я вздохнул. — Дела.

Я проехал через ворота Темпл-Бар и свернул на Гиффорд-стрит, которая вела к Смитфилдской площади. Многие направлялись в ту сторону по пыльной дороге: некоторые верхом, большинство пешком, богатые и бедные, мужчины и женщины... Я даже заметил нескольких детей. Часть людей, особенно те, кто были одеты в темные одежды, которые предпочитали радикалы, шли с серьезным видом, другие демонстрировали безразличие, а у третьих на лицах читалось предвкушение, словно бы они направлялись на некое увеселительное мероприятие. Я надел под черную шляпу свою белую сержантскую шапочку и уже начал потеть от жары. К тому же я с раздражением вспомнил, что во второй половине дня у меня назначена встреча с самой трудной моей клиенткой, миссис Изабель Слэннинг, чье дело — спор с братом о наследстве,